КУРС: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ТЕМА 3. ИСТОРИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Лекция 3.2. Архетип и традиционный тип рождаемости

2017-2018

План лекции

3.2.1. Источники данных о рождаемости и числе детей в прошлом

3.2.2. Архетип рождаемости

3.2.3. Традиционный тип рождаемости

3.2.3.1. Традиционная рождаемость и брак

3.2.3.2. Высокая рождаемость – не синоним многодетности

3.2.3.3. Традиционная рождаемость и ограничение потомства

3.2.3.3.1. Культурно санкционированные методы ограничения потомства

3.2.3.3.2. Методы ограничения потомства, осуждаемые традиционной культурой

3.2.3.4. Начало кризиса традиционного типа рождаемости и «европейская брачность»

3.2.1. Источники данных о рождаемости и числе детей в прошлом

И архетип и традиционный тип рождаемости существовали, в основном, во времена, когда **никакой статистики рождаемости не было**. Поэтому первый вопрос, на который мы должны дать ответ, - это вопрос об эмпирической базе наших знаний о рождаемости в прошлом.

В демографической статистике используются различные измерители рождаемости – в зависимости от целей анализа и доступной исходной информации. Но основная количественная мера рождаемости, пригодная для широких исторических сравнений, – **число детей, рождаемых, в среднем, одной женщиной каждого поколения за всю ее жизнь**.

В литературе можно найти примеры рекордно высокой рождаемости, когда одна женщина в результате серии многоплодных родов рожала за свою жизнь 20 и более детей. В книге рекордов Гиннеса упоминается современная аргентинская женщина, родившая за свою жизнь 38 детей.

А в качестве исторического максимума в книге рекордов Гиннеса называется рождение русской крестьянкой Васильевой (1707 — 1782) 69 детей (27 родов, в том числе 16 двоен, 7 троен и 4 четверни).

Однако рождаемость – это массовый стохастический процесс, судить о ее уровне следует не по отдельным рекордным показателям, а на основе характеристик распределения женщин по числу рожденных детей. Анализ таких распределений предполагает наличие более или менее полной статистики рождаемости.

Для сравнительно недавнем времени, когда в Европе уже существовала церковная система регистрации рождений (или крещений), такую статистику можно, с определенным приближением, восстановить на основе сохранившихся приходских записей.

Некоторое представление о рождаемости в дописьменную эпоху может дать статистика, относящаяся к народам, которые еще совсем недавно находились на ранних стадиях исторического развития. Такую статистику собирают полевые этнологи.

В 1920-е годы в СССР был разработан и применялся так называемый «**анамнестический метод**», который позволял с помощью опросов в ходе полевых исследований восстанавливать события демографической биографии людей для тех групп населения, в отношении которых до недавнего времени не существовало документированной информации (например, для малочисленных народов Севера).

После Второй мировой войны изучение рождаемости у народов, у которых она еще почти не была затронута современными изменениями, приобрело большой размах. Ценную информацию дало, в частности, **Всемирное обследование рождаемости, проводившееся по инициативе ООН в 1972-1984 годах в 42 развивающихся странах**. Оно позволило собрать огромный массив данных о рождаемости в наименее развитых странах Азии, Африки и других регионов мира, которые все еще не имели регулярной статистики рождаемости и в то же время, в основном, сохраняли демографическое поведение, характерное для очень отдаленных от нас эпох.

Вопрос о рождаемости тесно связан с вопросом о числе выживающих детей. Цена простого воспроизводства, о которой говорилось в предыдущей лекции, указывает на необходимый уровень рождаемости, но она учитывает и показатели дожития, по крайней мере, дожития родившихся девочек до среднего возраста матери.

Судить о том, какими были эти показатели в прошлые эпохи, легче, чем об уровне рождаемости, потому что о них говорит динамика численности населения, часто поддающаяся оценке на основе археологических источников или другой доступной информации, даже если речь идет об очень отдаленных временах.

В лекции 1.3 уже говорилось о том, что, если отвлечься от относительно кратковременных колебаний, **численность древнейших населений не изменялась**. Это касается не только населения достаточно крупных территорий, но и локальных групп населения, о чем также говорят археологические источники.

Демографический рост в палеолите был ничтожным: тысячные доли процента в год, несколько процентов за тысячелетие. Для демографа это равнозначно выводу, что на смену поколению родителей приходило такое же по численности поколение детей, иначе говоря – **на смену двоим родителям – в среднем, двое выживших детей, примерно так, как и сейчас.**

Археологи и этнологи давно пришли к этому выводу: при больших различиях в оценках уровней рождаемости и смертности у различных доступных наблюдению групп охотников-собирателей поражает **«удивительное обилие и единодушие свидетельств, касающихся числа детей»** (Carr-Saunders, 1922). Число выживающих детей в расчете на одну женщину у них всегда невелико, **в среднем, оно близко к 2** (Birdsell, 1968).

Следует запомнить эту историческую демографическую константу: среднее число выживающих детей в расчете на одну женщину, близкое к 2. Только при сохранении этой константы численность населения может оставаться неизменной или незначительно колебаться, что и имело место в действительности.

Для более близкого к нам времени имеется немало письменных памятников, и они свидетельствуют о том, что положение не менялось на протяжении всей последующей истории.

Высокая рождаемость никогда не была синонимом многодетности.

Несмотря на высокое число рождений, большое число выживающих детей и, стало быть, многодетность семей в прошлом были редкостью.

Имеется множество оценок числа живых детей в прошлом, и все они говорят о том, что число многодетных семей было крайне невелико. В городах средневековой Европы нередко «модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась однодетная семья, совсем как в состоятельных кругах современной Франции» (Урланис 1941).

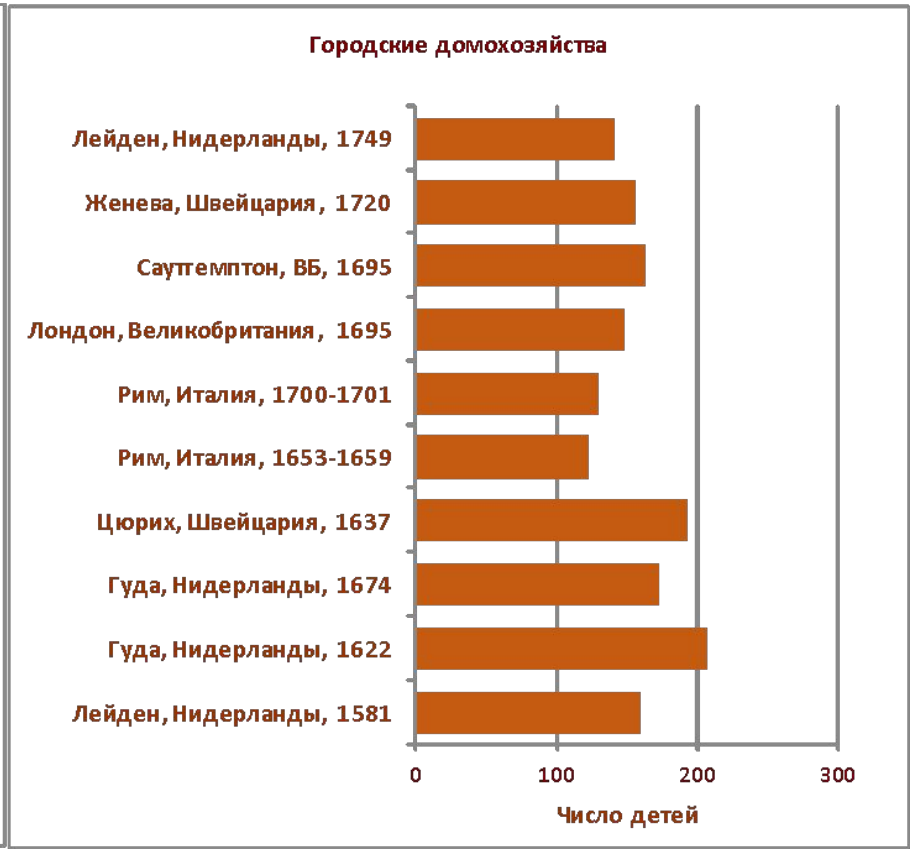
О малодетности европейских семей говорят многочисленные свидетельства современников, относящиеся даже к XVIII в., когда уже появились явные признаки снижения смертности.

Зюссмильх (XVIII в): «Можно считать правилом, что половина всех родившихся.не достигают четырех лет, а двое из трех не доживают до 11-летнего возраста, или что только треть всех родившихся живет больше 10 лет… Опыт говорит нам, что есть немало родителей, кои сохраняют в живых всех своих детей, что из десяти или большего их числа нередко умирают лишь немногие. Но зато у других родителей погибают все дети, и родители остаются ни с чем»

Ломоносов (XVIII в): Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

М.В.

Результаты обработки сохранившихся документов по большому числу приходов в странах Западной Европы XVI-XVIII вв. свидетельствует, что число детей на 100 домохозяйств редко достигало 200 или превышало это число



Число детей на 100 домохозяйств в Западной Европе в XVI-XVIII вв.

Россия. Высокая традиционная смертность сохранялась до начала XX в., и, как и везде, играла роль главного демографического регулятора, сводившего на нет эффект очень высокой рождаемости.

На рать сена не накосишься, на смерть детей не нарожаешься.

В. Даль. Пословицы русского народа.

Среднее число детей в семье даже и при высокой рождаемости в России никогда не было больш*и*м.

«С конца XV века вплоть до середины XIX века… крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных изменений. В северо-западных районах она находилась в стабильном состоянии, колеблясь в среднем от 5 до 7 душ обоего пола; в западных районах — от 7 душ в 1678 году до 8 душ; в Нечерноземном центре с начала XVII в. она возросла с 4–5 душ до 7 душ; в Поморье колебания с середины XVI века наблюдались с 5 до 7 душ; в Поволжье — между 5 и 8 душами и, наконец, в Черноземном центре ее численность со второй половины XVII века до середины XIX века была наибольшей — 8–10 душ» (Александров 1984).

Учитывая, что в России всегда было немало сложных, неразделенных семей, в которых могли жить несколько братьев со своими женами, детьми и родителями, и здесь такие размеры семьи никак не дают оснований говорить о широко распространенной многодетности.

3.2.2. Архетип рождаемости

В древнейшие времена главным регулятором, обеспечивавшим постоянство численности населения, у людей, как и у животных в природе, была высокая, почти неконтролируемая смертность. **Можно примерно оценить, сколько детей должна была родить, в среднем, женщина в условиях архетипа смертности, чтобы численность населения не изменялась.**

Согласно Ачади и Немешкери, средняя продолжительность жизни в условиях «Магрибской модели», которую они охарактеризовали как соответствующую лучшей палеолитической смертности, составляла 21,1 года и, согласно построенной ими таблице смертности, до возраста 30 лет доживало, примерно, 34% родившихся обоих полов вместе.

В соответствии с логикой таблицы, которую мы уже видели в предыдущей лекции, это означало, что, для подержания неизменной численности населения, женщина должна была, в среднем, рожать за свою жизнь около 6 детей.

Продолжительность жизни	*R(0)*	*l(30)**	*R=ρ* (цена простого воспроизводства)	Необходимое число рождений
	1	2	3=1/2	4=3/0,485
e(0) = 20	1,00	0,288	3,48	7,16
e(0) = 25	1,00	0,373	2,68	5,52
e(0) = 30	1,00	0,454	2,20	4,54
e(0) = 35	1,00	0,531	1,88	3,88
e(0) = 40	1,00	0,603	1,66	3,42
e(0) = 45	1,00	0,670	1,49	3,08
e(0) = 50	1,00	0,732	1,37	2,81
e(0) = 60	1,00	0,841	1,19	2,45
e(0) = 70	1,00	0,925	1,08	2,23
e(0) = 80	1,00	0,971	1,03	2,12

Имеющиеся прямые наблюдения не противоречат этой оценке. Так исследования сохранившегося до наших дней охотничье-собирательского общества бушменов-кунг позволили оценить число живорождений для одной женской когорты в 4,7 ребенка, для другой – в 5,2 при максимальном числе рождений 9. Близкие показатели наблюдались и среди австралийских аборигенов.

При образе жизни и состоянии здоровья охотников и собирателей донеолитической эпохи обеспечить, в среднем, 6 рождений на одну женщину не так просто. Поэтому **главной заботой древнейших племен всегда было поддержание ее достаточно высокого уровня.**

Но неизбежные колебания численности популяции делали, до известной степени, актуальной и задачу **ограничения рождаемости сверху**, что могло быть особенно важно, например, для островных популяций. Соответственно должны были существовать и социальные регуляторы – ограничители численности потомства.

Подобно тому, как люди, даже на самых ранних этапах человеческой истории, научились ограничивать действие факторов смертности, так социальная жизнь породила **социокультурные регуляторы рождаемости**, обладавшие свойствами упреждения, которых не знает природа.

Социальные регуляторные механизмы могли включать воздействие как на рождаемость, так и на смертность, в первую очередь, детскую, можно предположить – и это подтверждается исследованиями, – что уже в глубокой древности было и то, и другое.

Гораздо менее вероятно, что за десятки тысячелетий донеолитической истории люди не накопили достаточно знаний и духовных представлений, которые бы сделали их способными к упреждающему прокреативному поведению и позволили с большим или меньшим успехом избегать избыточных рождений путем воздействия на непосредственные детерминанты рождаемости. Тем более маловероятно отсутствие или незнание механизмов упреждающего прокреативного поведения в более поздние исторические эпохи. Другое дело, что на эти механизмы в прошлом не могло быть большого спроса, потому что в условиях высокой смертности намного более актуальной была проблема недостатка, а не избытка числа рождений.

«Имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что за долгие годы существования первобытнообщинного строя люди приобрели смутное, но в основных чертах правильное представление о связи между занимаемой ими территорией, обычным прожиточным минимумом и численностью популяции... Они стремились ограничить рост численности либо такими грубыми, но эффективными мерами, как аборт, детоубийство или пожизненное вдовство, либо посредством различных табу, запрещавших половые сношения в определенное время года. **Стихийные бедствия, вредители и болезни брали у людей свою дань, но в целом узаконенное детоубийство, аборты и табу всегда давали древнему человеку способ регулировать рост популяции**» (Le Gros Clark, 1951).

Одним из таких регуляторов было **детоубийство**, однако роль детоубийства как демографического регулятора не следует переоценивать. Его эффективность не так велика вследствие того, что систематически практикуемое убийство новорожденных неизбежно приводило бы к сокращению интервалов между рождениями, т.е. к тому, чего как раз и следует избегать, преследуя цель сокращения потомства.

Но люди научились использовать и другие, упреждающие регуляторы, недоступные животным и, в определенной мере, ограничивающие рост населения.

Если говорить в терминах модели «непосредственных детерминант» рождаемости Бонгаартса-Стовера, то все первобытные общества знали строгие **половые табу**, которые определенным образом регулировали сексуальное поведение людей. Такие табу, например, табу, запрещавшие инцест, далеко не всегда преследовали демографические цели, и, скорее всего, эти цели никогда и не были главными, упорядоченная система отношения полов – важнейшая часть социального порядка вообще. Однако и значимость демографической составляющей жизни общества достаточно велика, для того, чтобы она учитывалась в социально-нормативной системе во все эпохи.

Демографическое значение имели, например, **табу, ограничивавшие сексуальные контакты** в периоды различных видов деятельности – военных походов, сельскохозяйственных работ, часто привязанные к определенным природным циклам, например, к фазам лунного цикла и т.п. Какими бы причинами ни объяснялась и какими бы магическими соображениями ни оправдывалась практика периодического воздержания от половых отношений, она, несомненно, имела и демографический смысл, так как подобное воздержание существенно **снижает вероятность зачатия и увеличивает интервалы между рождениями**.

«В Новой Каледонии женщины должны были воздерживаться от половых отношений во время посадки ямса, на островах Адмиралтейства мужчины – за 5 дней до большой рыбной ловли, за 2-3 дня до военного похода и 2 дня после возвращения, среди масаи – в течение 6 дней во время традиционного периода изготовления яда и медвяного вина, у азанде – перед гончарными работами, у квакиутль – во время изготовления каноэ,- во время военных действий, индейцы Никарагуа, посеяв маис, воздерживаются от половых сношений до тех пор, пока не взойдут ростки» (Козлов 1969).

Немалую ограничивающую роль играло **продолжительное кормление ребенка грудным молоком** (в схеме Бонгаартса это относится к пункту «послеродовое поведение»).

У древних охотников и собирателей существовали различные обычаи грудного вскармливания, но у большинства из них оно длилось очень долго, иногда 4-5 лет и даже дольше, что связано с отсутствием замены материнскому молоку в качестве питания маленьких детей. Однако длительная лактация удлиняет период аменореи, снижает вероятность зачатия и тем самым увеличивает интервалы между беременностями.

По-видимому, уже в культуре самых древних народов существовали нормы, направленные на некоторое ограничение числа беременностей, но достаточно велика была и роль **прерывания беременности**.

Этнографы обнаружили практику искусственного аборта у многих народов, находящихся на ранних стадиях развития, – у эскимосов, туземцев Новой Зеландии, Новой Каледонии, Самоа, Таити, Фиджи, Соломоновых и Канарских островах, у кафров Южной Африки и т.д. «Аборты встречались почти повсеместно, чаще всего женщины прыгали с высокого дерева, стягивали туго живот, клали на него горячие камни и т.д.» (Шнирельман 1986). Аборты “обычно производятся весьма жестокими и несовершенными средствами: пьют настои из ядовитых растений, вставляют острые палочки в матку, туго перетягивают живот или бьют по нему для умерщвления плода и т.п.» (Козлов 1969).

Обобщая сказанное, охарактеризуем архетип рождаемости как такой ее тип, при котором уровень рождаемости все еще в значительной степени контролируется природными факторами, такими, как колебания в характере и объеме пищевых ресурсов, бесплодие, обусловленное инфекционными или другими заболеваниями и т.п., и лишь в сравнительно незначительной степени социокультурными факторами, отражающими низкий уровень социальной организации донеолитических обществ, их неразвитую институциональную структуру, магическую картину мира доисторического человека.

3.2.3. Традиционный тип рождаемости

3.2.3.1. Традиционная рождаемость и брак

Изменения, принесенные неолитической революцией, способствовали повышению ценности и защищенности человеческой жизни, усилению заботы о потомстве, смягчению нравов, что вело к некоторому снижению смертности. Тем не менее она по-прежнему оставалась очень высокой, и как бы ни различались между собой традиционные общества в разные эпохи и в разных уголках Земного шара, **объективные требования к уровню рождаемости всегда были одинаковыми: она, как и прежде, должна была обеспечить выживание населения в условиях неизменно высокой смертности.**

Решение этой задачи в новых экономических и социальных условиях привело к формированию более развитых и надежных, чем прежде, механизмов, контролирующих уровень рождаемости. **Главную роль в системе таких механизмов играл институт брака.**

Какие-то формы брачных отношений, обычно не отличавшихся большой устойчивостью, существовали и в донеолитическую эпоху, но брак как развитый социальный институт, живущий по четким нормативным правилам, поддерживаемым государственными законами и религиозными предписаниями, относительно молод.

Еще Платон и Аристотель могли обсуждать возможность общности жен, ее достоинства и недостатки, но постепенно в рамках всех крупных культурно-религиозных систем **повсеместно утвердилось нормативное понимание брака, которое исключало любые внебрачные сексуальные отношения, а, стало быть, и какую-либо автономию сексуального поведения: оно рассматривалось лишь как атрибут брака**.

Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети — родителей… Что касается полезности, вряд ли станут это оспаривать и говорить, будто общность жен и детей не величайшее благо, если только это возможно. Но вот насчет возможности, думаю я, возникнут большие сомнения.

Платон (IV в. до н.э). Государство

Можно представить общность детей, жен, имущества, как это мы находим в «Государстве» Платона, где, как утверждает Сократ, и дети, и жены, и собственность должны быть общими… Что касается общности жен у всех, то эта теория встречает много различного рода затруднений… Положение это не может быть согласовано и с той конечной целью, осуществление которой он… считает необходимым для государства.

Аристотель (IV в. до н.э). Политика

В свою очередь, и прокреативное поведение, никогда не бывшее автономным из-за своей сцепленности с сексуальным поведением, оказалось тесно привязанным также и к матримониальному поведению, и сложилось нормативное триединство матримониального, сексуального и собственно прокреативного поведения.

Привязанность прокреативного поведения к сексуальному была тем более прочной, чем последовательнее и жестче осуждались и преследовались любые попытки воспрепятствовать зачатию или прервать беременность.

Нормативная связка трех видов поведения, как и всякая другая норма, на практике могла нарушаться и несомненно нарушалась, но на протяжении тысячелетий такие нарушения, как правило, сурово осуждались, а часто и жестоко карались. Поэтому, при всех возможных исключениях, на уровне массовой повседневной практики рождение детей было почти автоматическим следствием пребывания в браке.

В эпоху, когда господствовал традиционный тип рождаемости, ни независимого прокреативного поведения, ни свободы индивидуального прокреативного выбора не существовало. В результате институт брака, гарантировавший неразрывность цепочки брак – секс – прокреация, стал основным механизмом социального контроля рождаемости.

М. Ливи Баччи: «Брак стоит в центре демографических систем, присущих традиционному типу воспроизводства. Почти во всей Европе, хотя и не без знаменательных исключений, **брак предоставляет некое законное право на воспроизводство: рождения вне брака обычно составляют крайне малую часть (десятые доли процента) от всех рождений**». Так было не только в Европе.

Во всех традиционных обществах, брачность, т.е. массовый процесс формирования браков, обладает сходными чертами. Важнейшие из них — **раннее вступление в брак и очень низкая доля женщин, вообще не вступающих в брак**. Такой тип брачности сохранился до нашего времени у многих народов, весьма далеких друг от друга в этническом, культурном или религиозном отношениях. В середине XX в. в странах с традиционной брачностью уже к 25, а иногда и к 20 годам почти не оставалось не вступивших в брак женщин, а к 40-45 годам доля их становилась совершенно ничтожной.

Брачность женщин в некоторых развивающихся странах в середине XX в.

Страна и год	Возраст, к которому заключается половина всех браков, лет	Доля никогда не состоявших в браке, %				
		20 лет	25 лет	30 лет	40 лет	50 лет
Алжир (мусульмане)	18,2	31,9	12,4	6,3	2,8	2,3
Гвинея, 1955	16,3	1,8	0,7	0,3	__	—.
Египет, 1947	18,1	28,0	8,7	3,4	1,3	0,8
Египет, 1960	19,2	41,7	9,6	3,6	1,7	0,5
Индия, 1901	17,1	5,1	3,0	2,2	1,4	1,1
Индия, 1961	17,2	5,9	1,9	1,0	0,6	0,5
Китай, 1956	20,3	52,6	10,1	1,6	1,4	0,9
Марокко (мусульмане), 1952		8,3	3,3	1,8	1,9	1,9
Пакистан, 1961	17,1	5,8	2,5	1,5	1,0	0,7
Турция, 1955	18,0	20,6	6,5	5,4	2,3	2,0
Южная Корея, 1955	20,2	45,0	5,5	0,4	0,3	0,1
Швеция, 1900	26,0	90,1	62,5	39,9	23,7	18,5

Для контраста в таблице приведена Швеция, где уже в 1900 г. характеристики брачности были совсем иными. Швеция представляет собой типичный пример так называемой «европейской брачности», речь о которой пойдет ниже. Но в более отдаленном прошлом **для всей Европы также была характерна традиционная ранняя и почти всеобщая брачность**.

В средние века обручение детей и браки в раннем подростковом возрасте были широко распространены во всех слоях населения, в брак вступали не мужчины и женщины, а скорее девочки и мальчики. С ранней брачностью сочеталась низкая доля женщин, вообще остающихся вне брака. «Гипотеза о преобладании в позднем Средневековье высокой брачности кажется на данный момент вполне обоснованной» (Ливи Баччи).

Очень ранняя и почти всеобщая брачность была характерна и для России.

В XVI-XVII вв. «русские женились очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет» (Н. Костомаров). Церковные и светские власти пытались противодействовать слишком ранним бракам. Императорским указом 1830 г. бракоспособный возраст был повышен до 16 лет для женщин и до 18 лет для мужчин.

Средний возраст вступления в брак постепенно повышался, но все же оставался очень низким. В конце 60-х годов XIX в. свыше 57% невест и около 38% женихов имели возраст не старше 20 лет, а без учета повторных браков этот показатель был еще выше. По переписи населения 1897 г. в Европейской России только 5,1% женщин в возрасте 40-49 лет никогда не состояли в браке.

Ранняя и всеобщая брачность обеспечивала максимально возможный в условиях высокой смертности период прокреативной деятельности женщины, что создавало предпосылки для рождения достаточно высокого числа детей, необходимого для поддержания устойчивой численности населения.

В то же время влияние пребывания в браке на сексуальную активность женщины может быть разным, в зависимости от культурно санкционированных форм брака и поведения в браке.

И в традиционном христианском, и в традиционном мусульманском обществе только брак открывает женщине доступ к половой жизни, но ее сексуальная активность не может быть одинаковой при моногамном, и при полигамном браке.

Другой пример – культурно обусловленные различия в послеродовом поведении. В начале XX в. российские демографы обратили внимание на то, что младенческая смертность у русских выше, чем у живущих в России мусульманских народов вследствие того, что матери-мусульманки отнимали ребенка от груди значительно позже, чем русские, и их дети на ранних этапах жизни были лучше защищены от инфекций. Но одновременно более длительная лактация увеличивала интервалы между рождениями.

При общей для традиционных обществ «демографической стратегии», ориентированной на выживание населения в условиях высокой смертности, мы видим две различные культурно регламентируемые тактики.

В одном случае, некоторое притормаживание рождаемости как за счет меньшей половой активности женщин в полигамных браках, так и за счет более длительного сохранения их послеродовой стерильности, но зато и при более низкой детской смертности.

В другом случае – отсутствие этих двух ограничителей, очень высокий уровень рождаемости, сочетающийся, однако, и с более высокой детской смертностью.

При этом в обоих случаях - нерасторжимое единство сексуального, матримониального и прокреативного поведения не допускающие свободы индивидуального прокреативного выбора.

Традиционная рождаемость существовала на протяжении многих тысячелетий и в большинстве районов мира дожила до нашего времени. Поэтому существуют достаточно ясные представления об уровне традиционной рождаемости и о том диапазоне, в каком она может изменяться.

Коэффициент суммарной рождаемости в 1950-1955 гг.

Африка		Азия		Латинская Америка	
Алжир	7,28	Афганистан	7,45	Боливия	6,89
Ангола	7,30	Бангладеш	6,36	Бразилия	6,15
Египет	6,62	Индия	5,90	Венесуэла	6,46
Кения	7,48	Индонезия	5,49	Гватемала	7,00
Ливия	7,14	Иордания	7,38	Гондурас	7,50
Нигерия	6,35	Ирак	7,30	Колумбия	6,76
Руанда	8,00	Иран	6,91	Мексика	6,75
Сомали	7,25	Камбоджа	6,95	Перу	6,95
Танзания	6,74	Китай	6,11	Эквадор	6,75
Эфиопия	7,17	Малайзия	6,23		
		Пакистан	6,60		
		Сирия	7,23		
		Турция	6,62		
		Филиппин	7,42		

Приведенные в таблице показатели кажутся очень высокими, но еще сравнительно недавно – в конце XIX и даже в начале XX в. – подобные показатели наблюдались и в тех странах, которые теперь ставят рекорды низкой рождаемости: в Германии в 1881-1885 – 5,29, в Европейской России в 1896-1897 гг. - 7,06, в т.ч. на Украине – 7,5, в Болгарии в 1901-1905 гг. 6,57, в Японии в 1921-1925 г. - 5,18.

Из-за худшего состояния здоровья традиционных населений реальная плодовитость в прошлом, скорее всего, был ниже, чем сейчас. Соответственно, **рождаемость едва ли часто достигала уровней, представленных в таблице**. Но все же она должна была быть достаточно высокой, чтобы население не вымирало, а в благоприятные периоды даже создавать условия для его некоторого роста.

3.2.3.3. Традиционная рождаемость и ограничение потомства

3.2.3.3.1. Культурно санкционированные методы ограничения потомства

Риск остаться без детей побуждал людей к рождению как можно большего их числа, на это ориентировали традиционные социальные нормы прокреативного поведения, и, как правило, рождаемость действительно была весьма высокой.

Но это не исключало существования и таких норм, которые, в некоторой степени, ограничивали слишком высокий ее уровень. Они отражали социальный опыт, накопленный с древнейших времен, и появились задолго до того, как были в явной форме осознаны, например, в трудах античных мыслителей.

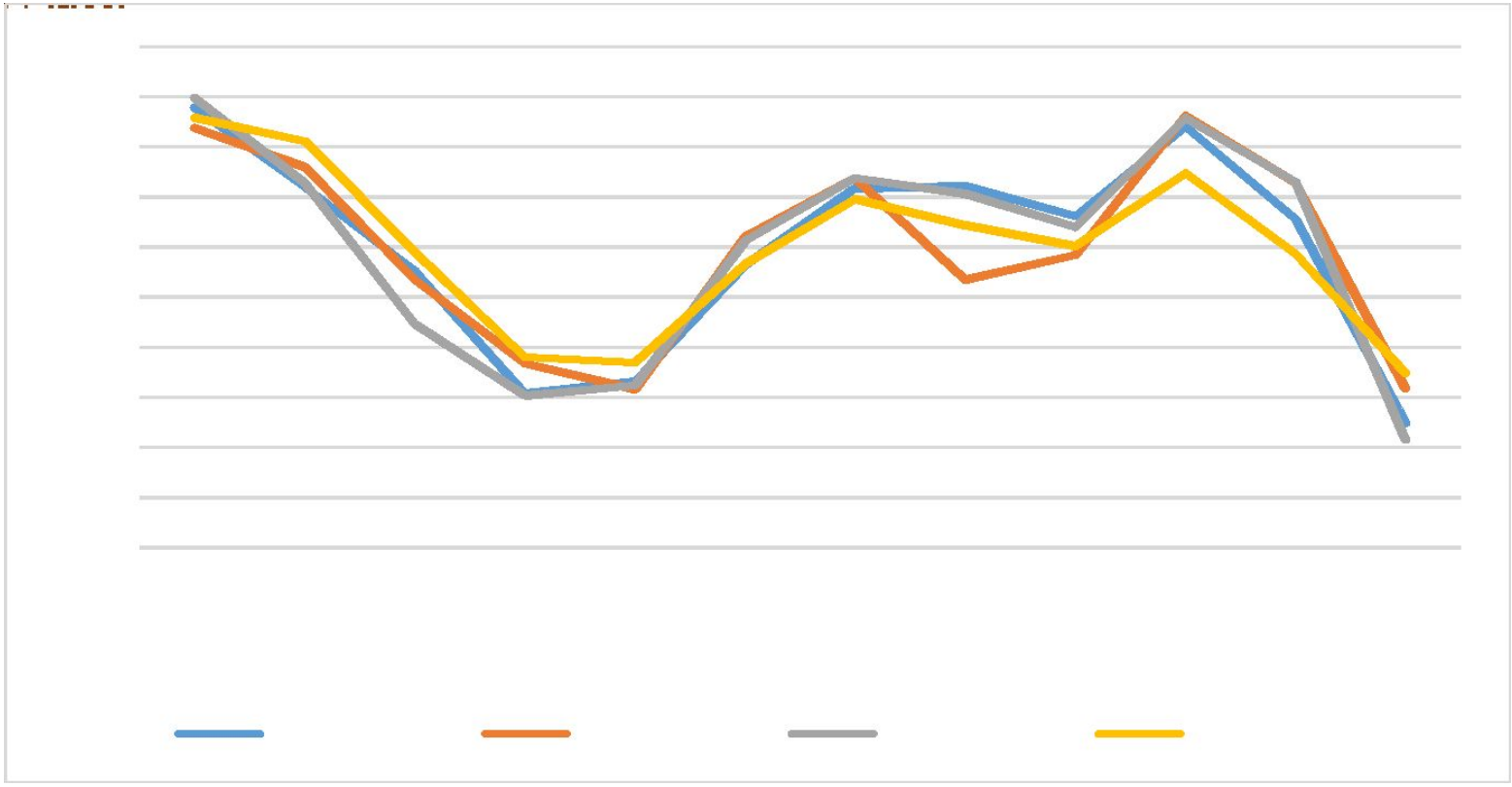
Аристотель: Нелепо и то, что, уравнивая собственность, он [Платон] не упорядочивает количество граждан, а, наоборот, **допускает возможность неограниченного деторождения**, предполагая, что оно будет уравновешено и не увеличит количества граждан, так как некоторое число граждан будут бездетными, раз это и теперь наблюдается… Пожалуй, кто-нибудь подумает, что **должно поставить предел скорее для деторождения, нежели для собственности, так чтобы не рождалось детей сверх какого-либо определенного числа.** Это число можно было бы определить, считаясь со всякого рода случайностями, например с тем, что некоторые из новорожденных умрут или некоторые браки окажутся бездетными. Если же оставить этот вопрос без внимания, что и бывает в большей части государств, то это неизбежно поведет к обеднению граждан, а бедность – источник возмущений и преступлений.

В некоторых странах до наших дней дожили следы древних половых табу, ограничивающих периоды половых отношений, как это было еще во времена архетипа.

«В Индии ограничения половых сношений охватывают в сельских местностях до 120 дней, и в городах – до 80 дней в году. Среди индусов от таких отношений принято воздерживаться в дни моления определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии и в 11-й день лунного цикла, при лунном и солнечном затмениях, при подготовке к религиозным праздникам, 2-3 дня после прекращения месячных, 4-6 месяцев после рождения ребенка и т. д.» (Козлов 1969).

Предписания периодического воздержания восприняты такими мировыми религиями, как Христианство и Ислам, накладывающими ограничения на половые отношения во время постов.

В дореволюционной России они, по крайней мере отчасти, соблюдались, об этом свидетельствуют сезонные колебания чисел родившихся в России во второй половине XIX в., хотя «пустых» месяцев с совсем незначительным числом рождений, которых можно было бы ожидать через 9 месяцев после длительных постов, не было и тогда.



Распределение числа зачатий по месяцам года в России в конце XIX – начале XX вв.

В разных культурах имелись **нормы, заведомо отстранявшие от участия в производстве потомства те или иные группы населения**.

Например, в индуизме, существовал запрет на вступление в брак вдов, и даже молодая женщина, овдовев, на протяжении всей последующей жизни оставалась вне брака. В 1911 -1921 гг., когда смертность в Индии была еще очень высока, доля вдов среди женщин в возрасте 30-34 года составляла 22%, в возрасте 35-39 лет — 29%, в возрасте 40-44 года — 43%. Потери «репродуктивного» времени в связи с овдовением составляли в это десятилетие в среднем 9,9 года на одну женщину (28,4% средней длительности репродуктивного периода), что, конечно, **должно было вести к существенному снижению рождаемости**.

Издавна известны правила религиозного аскетизма, предполагавшие безбрачие служителей культа, **институт религиозного целибата**. Он восходит к древнейшим временным запретам на половые отношения, которые впоследствии в некоторых обществах превратились в постоянные. Известно, например, о существовании людей, дававших обет безбрачия, в Древнем Риме (весталки).

«**Наиболее законченного развития достиг принцип религиозно-полового аскетизма в монашестве**, практикующемся в таких религиях, как христианство, ислам, буддизм, частью в китайском даосизме. В католической церкви требование безбрачия распространяется вообще на все духовенство» (Токарев 1990).

Ломоносов: «Вошло в обычай, что́ натуре человеческой противно…, что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и **приращению народа немалая отрасль пресекается**… Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини… Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, **наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием**. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет».

М.В. Ломоносов. О сохранении и размножении российского народа

3.2.3.3. Традиционная рождаемость и ограничение потомства

3.2.3.3.2. Методы ограничения потомства, осуждаемые традиционной культурой

Наряду с соблюдением обычаев и норм, ограничивавших потомство **независимо от желания отдельного человека**, всегда существовали и такие формы поведения, в которых реализовывался **индивидуальный выбор родителей**, принимавших самостоятельные решения о числе детей.

В разные эпохи и в разных культурах отношение к этим способам ограничения потомства было разным, оно могло быть и положительным, и нейтральным, и отрицательным, но в целом прослеживается историческая линия усиления **негативного отношения к ним со стороны государства и религии, их осуждения и преследования**.

К таким более или менее запретным видам поведения, имеющего целью ограничение потомства, относятся:

- Инфантицид, убийство уже родившихся детей;
- Искусственный аборт, прерывание беременности;
- Намеренное предотвращение беременности.

Об инфантициде в аграрных обществах говорилось в лекции, посвященной традиционной смертности. Мы видели, что он полностью не исчез, но все же, по-видимому, был распространен намного меньше, чем во времена архетипа смертности. Два других упомянутых способа ограничения потомства относятся непосредственно к рождаемости.

Прерывание беременности, **или искусственный аборт, также известно с незапамятных времен. В античности люди не придавали ценности плоду в утробе матери, и аборт не наказывался, а иногда и рекомендовался, Аристотель лишь оговаривался, что «следует прибегнуть к аборту, прежде чем у зародыша появится чувствительность и жизнь; граница между дозволенным и недозволенным будет зависеть от наличия чувствительности и жизни».**

Впрочем, моральное осуждение аборта, видимо, существовало и тогда.

В клятве Гиппократа (ок.460 - ок.377 до н. э.), старшего современника Аристотеля (384-322 до н.э.), аборт упоминается как нечто осуждаемое, подобно самоубийству: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я **не вручу никакой женщине абортивного пессария**».

Мать, что в утробе зародыша жизнь погасила,
Тогда же должна бы погибнуть мучительной смертью.
Только затем, чтоб избегнуть рубцов некрасивых,
Ты ополчаешься в бой на такое ужасное дело.
Острым оружьем своё же ты тело терзаешь,
Яд смертоносный младенцу даёшь до рожденья.
Не умерщвляет и львица детёнышей малых,
Жаль их тигрице свирепой, живущей в ущелье.
Кроткие ж девушки делают это, но кара
Их настигает, и часто, плод погубив свой,
Гибнут и сами мучительной длительной смертью.

Овидий Назон (I в. до н.э – I в. н.э.

Христианство всегда осуждало аборт. По правилам, принятым VI Константинопольским собором (680 год), «жены, дающие врачевства, производящие недоношение плода во чреве», а также «приемлющие отравы, плод умерщвляющие», подвергаются «епитимии человекоубийцы».

Взгляд церкви на аборт как на убийство был воспринят законодательством европейских стран, применявших в средние века суровые наказания за аборт, вплоть до смертной казни. Суровое наказание за производство аборта сохранялось в Европе очень долго, хотя и в несколько смягченном виде. Например, в Пруссии с конца XVIII в. аборт карался тюремным заключением от 6 до 10 лет, но в некоторых случаях наказание могло дойти и до пожизненного заключения.

Лишь с XVIII в. взгляды стали смягчаться.

«Детоубийство является также следствием безвыходного положения, в которое поставлена женщина, поддавшаяся слабости или насилию. Женщина, мечущаяся между собственным позором и смертью существа, неспособного чувствовать страдания, разве не предпочтет она эту последнюю неминуемым страданиям, которые ожидают ее и ее несчастный плод? Лучшим средством предупредить это преступление являются, как мне представляется, эффективные законы, защищающие слабых от тирании, которая стремится преувеличить значение пороков, если не может спрятать их под маской добродетелей… Наказание какого-либо преступления не может быть названо справедливым (то есть необходимым) до тех пор, пока закон не принял наиболее действенных в условиях данной страны мер для его предупреждения».

Чезаре Беккариа (Cesare Beccaria, 1738-1794).
О преступлении и наказании

Все же суровое наказание за производство аборта сохранялось еще долго, пусть и в несколько смягченном виде.

В Пруссии с 1794 г. аборт карался тюремным заключением от 6 до 10 лет, но в некоторых случаях могло дойти и до пожизненного заключения.

Во время Французской революции женщина, сделавшая аборт, не подлежала уголовной ответственности, хотя ее пособники карались лишением свободы до 20 лет. Но Кодекс Наполеона восстановил смертную казнь за производство аборта.

Знали аборты и на Руси. В дошедших до нас «Заповедях» киевского митрополита Георгия (XI в.) предусматриваются наказания «аще ли которая жена удавит дитя», «аще ли... зелья ради изверже́т», «аще ли ... блуд сотворит и проказит отроча в себе». Новгородский епископ Нифонт (XII в.) на «вопрошание» Кирика «аще жены делаюче что-либо страду [какую-либо физическую работу] и вережаются и изметают?» ответил: «Аже не зельем вережают, нету за то эпитимья».

В России в конце XIX в. **лицо, произведшее аборт и сама беременная наказывались тюремным заключением.** Позднее, в Уголовном уложении 1903 г., наказание было несколько смягчено, но аборт по-прежнему рассматривался как преступное деяние.

Аборт осуждался не только законом, но и религией, и общественной моралью. «Как бы ни была обременена женщина детьми, – писал автор начала XX в., – она никогда не решится употребить средство против родов. Это считается незамолимым грехом».

На самом деле, в российском обществе, как и в любом другом, издавна существовала практика избавления от нежеланных детей, и были известны методы такого избавления. Но господствующая культура, церковь, закон постоянно вели борьбу против такой практики, добиваясь ее ограничения, загоняя в подполье как запретное, греховное отклонение от общепринятого и общепризнанного поведения.

«Из средств, употребляемых для прерывания беременности, на первом плане стоят механические, как то: поднимание тяжестей, прыгание со стола или скамейки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т.п. За этим следуют средства, которые находятся под рукой... В большом употреблении настой тысячелистника (Herba millefolium), маточные рожки (Secale cornutum), толченый янтарь, порох, отвар можжевельника, свежий выжатый сок чистотела (Herba chelidomium)..., настой шафрана (Cracus sativus), иногда и живая ртуть. Появились случаи употребления внутрь фосфора, автору известно 13 случаев, все 13 женщин умерли»

А. Афиногенов. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903.

Суровое осуждение и преследование аборта, риски, связанные с его подпольным производством подталкивали отчаявшихся женщин к детоубийству - В прошлом сделать аборт или скрыть его нередко было сложнее, чем убить родившегося ребенка

В одном из докладов на съезде Общества русских врачей 1889 года говорилось, что «изгнание плода с преступной целью… не наблюдается среди народов России. Преступление это скорее заменяется убийством новорожденных детей».

***Предотвращение беременности*.** **Третий способ регулирования потомства - предотвращение зачатия – также известен с глубокой древности. Люди всегда знали о возможности отсрочить беременность с помощью длительного, на протяжении нескольких лет, кормления грудью, этот метод, как правило, не осуждался, а иногда и рекомендовался. Но им были известны и прерванное половое сношение (лат. *coitus interruptus*), и метод календаря, и различные стерилизующие настои и отвары из трав, упоминающиеся в санскритских и древнекитайских трактатах, у многих античных авторов, и барьерные методы – в частности, предшественники современных презервативов, которые изготовлялись из ткани, рыбьих пузырей, пергамента, кишок животных, различные тампоны, пропитанные бальзамами.**

В более близкое к нам время в Европе итальянский анатом XVI века Габриэль Фаллопио предложил использовались специальные чехлы как способ предохранения от заражения сифилисом, бушевавшим в Европе с конца XV века - возможно, он был занесенный сюда после открытия Америки.

В XVII веке их стали довольно широко применять для предохранения от нежелательной беременности.

Слово "презерватив" появилось в рекламном листке в одном из кварталов проституции в Париже в 1780 году.

«Изготовление презервативов высшего качества, бандажи, суспензории, гигиенические принадлежности ... Негласная торговля во Франции и за рубежом».

Женщины знали и, когда могли, использовали удлинение периода лактации с целью увеличения интервалов между рождениями. Так было и в России.

«Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уж об извлечении ими своего молока и более неестественным способом. Там же, где мужья уходят на заработки на год и более, матери намеренно кормят детей до тех пор, пока муж остается дома, и отнимают их, как только он уходит». Ф. Гиляровский (1866)

Однако, как и все способы, допускавшие ограничение рождаемости по индивидуальному выбору, большинство методов намеренного предотвращения зачатия считались греховными, безнравственными и осуждались обществом. Даже в Европе XVIII в., уже довольно широко проникшая в быт европейских привилегированных слоев, но **«поставленная вне общества практика применения противозачаточных средств приравнивалась к пороку, подобному содомии. Даже атеисты XVIII века клеймили это насилие над законами природы»** (Сови 1977). В России и в конце XIX в. можно было прочесть в медицинском издании, что методы предупреждения зачатия «чрезвычайно вредны для здоровья» и что «лучше уж совсем отказаться от полового сношения, чем умножать горе болезнями».

Социокультурная запретность предотвращения зачатия имела своим следствием крайне слабую информированность подавляющего большинства людей, даже и образованных, о методах контрацепции и даже о самом существовании таких методов. Как правило, это было тайное знание, им обладали, тоже далеко не в полной мере, всегда не слишком многочисленные жрецы, знахари, лекари, и оно использовалось на практике тайком и достаточно редко.

В целом можно сказать, что на протяжении длительного периода господства рождаемости традиционного типа все зрелые культурные и религиозные системы, даже и используя некоторые механизмы ограничения рождаемости в интересах поддержания демографического равновесия, неодобрительно, а иногда и крайне отрицательно относились к тем из них, которые допускали свободу прокреативного выбора, и достаточно эффективно блокировали их действие.

Настал, однако, момент, когда **запрет на свободу прокреативного выбора вступил в непреодолимое противоречие с изменившимися условиями демографического воспроизводства**. Это произошло тогда, когда историческое развитие европейских обществ создало предпосылки для систематического снижения смертности. Как мы знаем, оно началось с ограничения наиболее резких всплесков смертности вследствие эпидемий и голода и вначале было очень небольшим. Тем не менее постепенно и общество, и семья стали ощущать последствия даже и этого небольшого снижения и почувствовали необходимость перемен.

3.2.3.4. Начало кризиса традиционного типа рождаемости и «европейская брачность»

Традиционные механизмы удержания рождаемости в рамках определенного коридора значений были согласованы между собой и на протяжении длительного времени позволяли поддерживать долговременное демографическое равновесие, несмотря на многочисленные и иногда очень сильные кратковременные колебания.

Медленный рост населения и малодетность средней семьи хорошо согласовывались с особенностями экономического и социального быта аграрного общества.

Наметившееся во второй половине второго тысячелетия н.э. снижение смертности в Европе, пусть вначале и небольшое, создало предпосылки **нарушения демографического равновесия, а потому и кризиса всей системы взаимно согласованных экономических и демографических отношений**.

Еще до того, как первые успехи в борьбе со смертью переросли в победное шествие эпидемиологического перехода, европейское общество ощутило неудобства, связанные с выживанием большего числа детей и все более заметным ускорением роста населения. И **на уровне семьи, и на уровне общества становилось все больше избыточных, «лишних» людей, которым не хватало земельных владений, наследств, привычных «мест под солнцем»**.

Матримониальное поведение играло ключевую роль в системе «непосредственных детерминант» рождаемости. В свою очередь, это поведение было подчинено логике социально-экономических отношений и в этом смысле никогда не было свободным.

В классических традиционных обществах вступление в брак, обычно очень раннее, рассматривалось как почти обязательный этап жизненного цикла, люди не столько сами вступали в брак, сколько их «женили» - родители, а иногда и сеньоры, помещики и т.п., как правило, не спрашивая их согласия ни на сам факт женитьбы, ни на выбор будущего супруга. Для очень многих традиционных обществ справедливы слова Тацита, сказанные им о германцах, у которых женщины «обретают мужа одного навеки... дабы любили в нем не столько мужа, сколько супружество».

Наметившееся в середине второго тысячелетия ускорение эволюции европейских обществ **привело к видоизменению механизмов, согласовывавших матримониальное поведение индивида с экономическими и демографическими требованиями социального целого**, но это означало лишь, что эти механизмы стали более сложными, - ведь и само общество усложнялось.

Описывая подобный механизм применительно к дореволюционной Франции, французский историк Ж. Дюпакье говорит о том, что вступление в брак для крестьянина было возможно, только если при этом он мог создать свое хозяйство, но отсутствие свободных земель ограничивало возможности создания новых хозяйств, а тем самым тормозило и браки.

«В этой аграрной цивилизации понятие землевладения играет роль, аналогичную роли территории у животных… Молодые люди были лишены права на половые отношения, пока они не вступили в наследство или не скопили достаточно денег, чтобы самим основать собственное хозяйство… Молодые холостяки представляли собой настоящий матримониальный резерв, функция которого заключалась в предоставлении обществу возможности поддерживать примерно постоянное количество домохозяйств, то есть основных экономических единиц. Если возникала необходимость, эти люди, вступая в брак по достижении половой зрелости, могли увеличить примерно на 45% свои репродуктивные возможности. **Как правило, достаточно было немного снизить возраст вступления в брак, чтобы нейтрализовать разрушительное воздействие подъемов смертности**» (Dupâquier, 1997).

Примерно с середины второго тысячелетия, в Западной Европе стал формироваться и распространяться новый, отличный от традиционного, тип брачности, впоследствии названный Дж. Хайналом **«европейским»**. «Четко выраженный европейский тип брачности можно с достаточной достоверностью проследить, начиная с XVII века для всех слоев населения» (Hajnal 1965).

В отличие от традиционного, для него характерны **поздние браки, растянутый во времени процесс вступления в брак каждого поколения женщин и высокая доля женщин, вообще остающихся вне брака**. К XVIII в. мы находим «европейский» тип брачности уже вполне сформировавшимся, а максимального распространения он достиг, видимо, к середине XIX в.

Доля женщин, никогда не состоявших в браке, в некоторых возрастах в ряде европейских стран, %

Страна	Год	Возрастные группы		
		20-24	25-29	45-49
Великобритания	1851	70	41	14
Дания	1840	70		9
Ирландия	1861*	76	49	14
Нидерланды	1849	87	57	15
Норвегия	1875	67		17
Франция	1881	60	32	13
Швейцария	1860	83	55	20
Швеция	1850	84	51	2
Европейская Россия	1897	23		5**

В последней строке таблицы для сравнения приведены данные по Европейской России конца XIX в. Россия не знала европейского типа брачности, который, по утверждению Дж. Хайнала, получил распространение лишь к западу от условной прямой линии, соединявшей Санкт-Петербург и Триест.

Европейская брачность стала первым **ответом наиболее продвинутых западноевропейских обществ на историческую коллизию, вызванную увеличением числа выживающих детей**.

И в привилегированных слоях европейских обществ, и в массовых слоях крестьянства семьи со все большей остротой ощущали рассогласование своих экономических возможностей с менявшимися демографическим реалиями. **Стихийные поиски ответа на этот вызов и привели постепенно к формированию новой стратегии матримониального поведения**.

Европейская брачность имела глубокий демографический смысл, так как **она привела к значительному сокращению продолжительности пребывания в браке женщин репродуктивных возрастов.**

Например, поколения датских женщин, родившихся в середине - второй половине XIX в., **состояли в замужестве не больше 55% времени, отведенного им природой для производства потомства**, – в незначительной степени из-за вдовства (2-4%), но в основном из-за позднего вступления в брак или пожизненного безбрачия (Matthiessen 1970).

Брачная рождаемость оставалась высокой, но общая рождаемость значительно снизилась.

Рождаемость в некоторых возрастных группах на 1000 женщин, состоящих в браке и всех женщин, Швеция

Возрастные группы	1791-1800		1871-1880	
	Состоящие в браке	Все женщины	Состоящие в браке	Все женщины
20-24	469	123	474	106
25-29	396	216	389	209
30-34	336	234	333	233
35-39	228	178	266	204

Европейская брачность стала эффективным инструментом снижения рождаемости и адаптации ее уровня к новым условиям воспроизводства населения. Важной особенностью этой адаптации было то, что она не потребовала отказа от основных принципов традиционного контроля рождаемости и потому оказалась культурно приемлемой.

В середине XVIII в. Зюссмильх указывал на **смертность**, как на **главный регулятор демографического процесса** и считал такое регулирование естественной чертой извечного Божественного порядка. Но **смертность снижалась, и роль ключевого регулятора стала переходить к рождаемости**.

Заслуга в привлечении внимания к этому фундаментально новому и исключительно важному факту принадлежит Мальтусу, который первым во всеуслышание заявил о необходимости контролировать рождаемость. Однако его понимание контроля рождаемости ни в коем случае **не предполагало признания свободы индивидуального прокреативного выбора**, это было противно его пониманию устройства социального мироздания.

Мальтус (*Thomas Robert Malthus*, 1766-1834):

«Если бы каждая супружеская пара могла по своему желанию ограничивать число своих детей, то, несомненно, тогда имелись бы все основания опасаться, что среди людей слишком распространится праздность; и что ни население отдельных стран, ни население всей земли в целом, никогда не достигнут своей естественной и должной численности».

«Общее правило христианской религии: супружество, если оно не противоречит более высоким обязанностям, заслуживает нашего одобрения, но если противоречит им, то достойно порицания».

Вполне ортодоксальная позиция Мальтуса была в то же время уязвимой, поскольку он – **в отличие от Зюссмильха, верившего в регулирующую руку Провидения, – во всеуслышание декларировал, что заботу о поддержании демографического равновесия должны проявлять сами люди**. Он взывал к их благоразумию и призывал к откладыванию браков. По сути, он пропагандировал «европейскую брачность», уже получившая довольно широкое распространение в Западной Европе и позволившую снизить рождаемость.

Позиция Мальтуса соответствовала представлениям эпохи, выраженным, например, французским автором второй половины XVIII в. М. Мессансом: «...брак зависит от воли людей и их характера; их вкусы в этом отношении никогда нельзя будет подчинить воле законодателя; плодовитость браков зависит от причин, совершенно независимых от воли даже тех, которые одни могут этому способствовать, и пребывает вследствие этого выше всяких людских законов».

С точки зрения европейца XVIII в., достоинство «европейской брачности» заключалось в том, что она позволяла несколько ограничить рождаемость, не ставя под сомнение неразрывное традиционное единство брака, секса и прокреации и не вступая тем самым в открытое противоречие с духом христианской традиции.

Мальтус: «В предполагаемом нами обществе, быть может, оказалось бы необходимым, чтобы лица обоего пола проживали довольно значительное число лет в безбрачии, прежде чем наступит для них возможность вступления в брак… Если бы отсрочка, о которой идет речь, и вызвала некоторое неудовольствие среди мужчин, то, во всяком случае, женщины подчинились бы ей с готовностью; при уверенности, что они выйдут замуж в 28 или 30 лет женщины, без сомнения, по собственному выбору, скорее пожелали бы дождаться этого возраста, чем к двадцати пяти годам уже быть обремененными многочисленной семьей».

Довольно долго, возможно, нескольких столетий, **европейская брачность выполняла роль эффективного механизма снижения рождаемости в ответ на снижение смертности, не приводя, тем не менее, к изменению социальных механизмов, управляющих прокреативным поведением, а тем самым и исторического типа рождаемости**.

Живя в браке, люди подчинялись всем правилам традиционного демографического поведения, брачная рождаемость оставалась высокой, при том что общая рождаемость, за счет сокращения времени пребывания в браке, была относительно низкой.

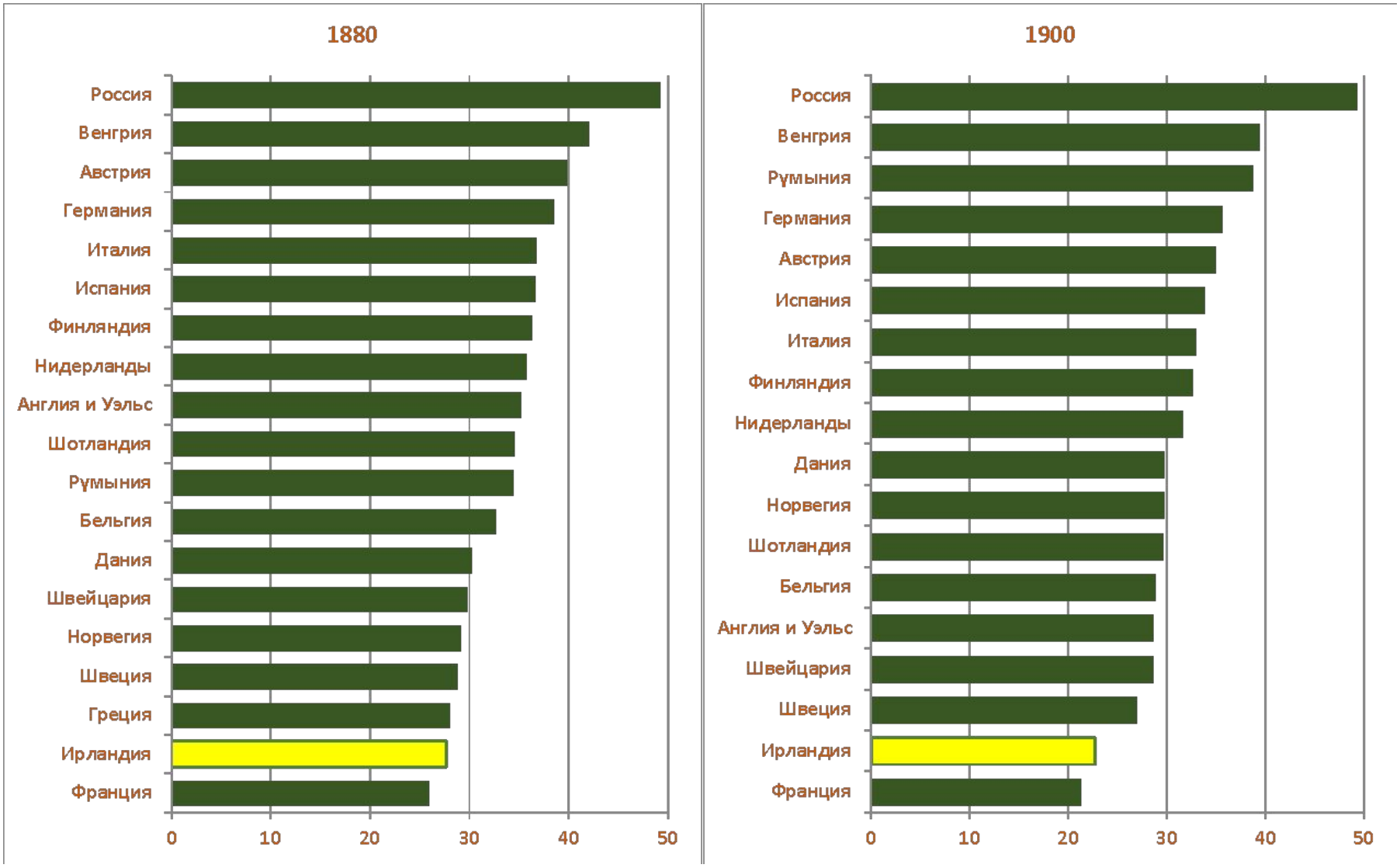
Но снижение смертности продолжалось и ускорялось, это делало необходимым и дальнейшее снижение рождаемости. А для этого **возможностей, создававшихся «европейской брачностью», было недостаточно**.

Кроме того, «европейская брачность» требовала от молодых людей длительного противоестественного воздержания от сексуальных отношений, что приводило к «порокам» несоблюдения этих требований. **Демографический и связанные с ним экономические и социальные эффекты, в какой-то мере компенсировали издержки поздней брачности, но теперь и эти эффекты стали исчезать**.

Европейские общества стали ощущать необходимость новых решений, которая становилась все более насущной по мере того, как снижение смертности делало традиционную высокую рождаемость все более избыточной, а нараставшее нарушение демографического равновесия все больше превращало высокую рождаемость из блага в опасность. **Понадобились новые методы контроля рождаемости, массовый переход к которым и начался в Европе уже в XIX в.**

Наиболее долго и последовательно принципов европейской брачности придерживалась Ирландия, и ее опыт свидетельствует об очень больших возможностях воздействия на рождаемость через брачность. При весьма высокой рождаемость в браке, она имела очень низкую общую рождаемость, по общему коэффициенту рождаемости долгое время с ней могла соперничать только Франция, которая к тому времени уже давно шла по другому пути.

Общий коэффициент рождаемости в европейских странах в 1880 и 1900 гг., ‰



Тем не менее Ирландия осталась демографическим исключением, а ирландский путь регулирования рождаемости превратился со временем в анахронизм.

Все остальные страны пошли – вслед за Францией – по пути, который вел к полному разрыву с рождаемостью традиционного типа. Примерно со второй половины XIX в., а кое-где, возможно, и раньше, под влиянием различных изменений, происходивших в Европе, европейский тип брачности стал постепенно отмирать. **Возраст вступления в первый брак начал снижаться, а безбрачие – сокращаться - и то, и другое стало ответом на появление нового, современного типа рождаемости.**

Контрольные вопросы и список литературы будут приведены по всей теме 3